

Шаньюй считал, что его маленькая жена слишком распутна, и сам он уже не справлялся. Шаньюй не мог быть с ней день и ночь напролёт, у него были и другие жены. Постоянные утехи с Яньчжи вызывали сильное недовольство среди остальных жён. Красавец не мог наладить отношения ни с другими жёнами шаньюя, ни с его матерью, часто закрывался в своих покоях и не принимал гостей. Больше всего он ненавидел старшую жену шаньюя, которая, пользуясь своим возрастом и долгими супружескими отношениями, часто поучала его с высоты своего положения.

Старшая жена, опираясь на поддержку старшего сына, не боялась его и часто при других жёнах шаньюя, а порой даже в присутствии его матери, говорила о нём гадости. Эти слова не были ложью, она подробно описывала его избалованный и своенравный характер, и красавец не мог ничего возразить, часто плакал на плече шаньюя, жалуясь на его жён и мать.

Шаньюй, хоть и баловал его, не позволял ему сеять раздор и часто ругал. Красавец, обиженный, сидел один в шатре, игнорируя шаньюя. Шестидесятилетняя мать шаньюя, придя навестить его, увидела, что он сидит в шатре, не разговаривая ни с кем, и снова отчитала.

Жизнь красавца стала тяжёлой, шаньюй намеренно наказывал его, охладев на некоторое время. Красавец плохо спал по ночам и начал срывать зло на своём маленьком охраннике, прозвав его «толстячком». Он не давал толстячку есть, считая его слишком толстым, а когда был в плохом настроении, хлестал его кнутом.

Хулэ стал его бояться, тринадцатилетний мальчик, не умеющий читать и не обладающий тонкостью мысли, как у ханьцев, прятался подальше, когда видел, что красавец идёт к нему с гневом.

Красавец часто уезжал на маленькой кобыле, подаренной ему шаньюем, далеко от царского двора, и не хотел возвращаться даже с наступлением темноты. Он часто сидел на холме, смотря на юг, в сторону своей родины, и смотрел сквозь слёзы, мечтая вернуться домой, в Ханьский дворец.

Хулэ и группа охранников следовали за ним издалека, наблюдая, как красавец сидит неподвижно даже после наступления темноты. Хулэ подошёл к нему вместе с другими слугами, уговаривая вернуться, иначе шаньюй разозлится и накажет их.

Красавец сидел на лошади, а Хулэ, держа поводья, осторожно спросил:

— Яньчжи, можно ли мне сегодня вечером что-нибудь поесть?

Красавец с раздражением хлестнул его кнутом и начал кричать:

— Нельзя!

Хулэ, с глазами, полными слёз, умолял, несмотря на угрозу побоев:

— Яньчжи, можно мне хотя бы кусочек ветчины?

Красавец громко ответил:

— Нельзя, нельзя! Толстый поросёнок, толстый поросёнок, толстый поросёнок!

Хулэ всё же украдкой съел три куска ветчины, но красавец об этом не знал, так как шаньюй пришёл к нему и всю ночь бил его по заднице.

На следующий день у красавца была распухшая задница, и он не мог ходить от боли. Хулэ и охранники вынесли его на улицу, чтобы он погрелся на солнце.

Красавец, обратившись лицом к югу, с хорошим настроением учил Хулэ грамоте, рассказывая ему забавные истории из Ханьского дворца. Хулэ не интересовался ни ханьскими иероглифами, ни императором, но очень интересовался куском баранины в руках красавца. Увидев, как у толстяка текут слюни, красавец снова хлестнул его кнутом. Хулэ, получив удар, перестал с ним разговаривать и больше не держал поводья его кобылы.

Шаньюй, наблюдая издали за ссорящимися детьми, вздохнул и подошёл к красавцу, обняв его сзади. Красавец в последнее время часто ссорился с ним, и шаньюй хотел его успокоить. Подняв его на руки, он пошёл, говоря:

— Иэрдань прислал тебе подарки.

Красавцу не было интересно подарки от того уродливого татарина, который когда-то оскорбил его, и он, надув губы, молчал. Шаньюй, сохраняя спокойствие, добавил:

— И ещё кое-что для тебя.

Глаза красавца вдруг загорелись. Шаньюй, улыбаясь, посмотрел на своего капризного Яньчжи, поцеловал его и понёс обратно.

В шатре было много вещей, присланных Иэрданем. Три другие жены шаньюя с радостью сидели, ожидая подарков, но, увидев, как шаньюй ведёт красавца, их лица помрачнели. Красавец, высокомерно подняв подбородок, сел рядом с шаньюем, не глядя на своих трёх жён.

Шаньюй, с лёгкой досадой, погладил своего красавца и велел слугам зачитать список подарков. Их было много: в основном меха и солёное мясо, а также драгоценные камни, лекарственные травы и шёлк, полученные в торговле с ханьцами. Шаньюй отдал большую часть шёлка своему Яньчжи, что вызвало недовольство его жён. Хотя они на словах презирали ханьские вещи, в душе им нравились эти роскошные и красивые ткани, особенно когда они видели, как красавец часто носит шёлковые одежды, что вызывало у них зависть.

Красавец тоже был рад, видя вещи из своей родины, но, когда слуги закончили читать список, он почувствовал грусть. Все это были подарки от уродливого татарина, а от его брата-императора ничего не было. Иэрдань обманул его.

Красавец, держа в руках самый красивый кусок шёлка, вернулся в свои покои и снова заплакал. Хулэ окончательно порвал с ним, спрятавшись в конюшне и обедаясь, больше не желая слушать Яньчжи.

Вечером шаньюй пришёл к красавцу, который, одетый в новую одежду, мрачно сидел на кровати. Это светло-голубое шёлковое платье было специально сшито для него по приказу Иэрданя, оно подчёркивало его красоту, делая похожим на изящный голубой лотос. Шаньюй впервые почувствовал, что он так спокоен и элегантен, и, охваченный нежностью, подошёл к нему и обнял сзади. Красавец, с распущенными волосами, уже готовился ко сну, но, будучи обнятым мужчиной, чувствовал себя вялым и безразличным.

Шаньюй достал из кармана кусок белого нефрита, похожего на бараний жир, и, прижавшись к его уху, сказал:

— Иэрдань специально попросил передать это тебе.

Красавец, уставившись на тёплый и прозрачный нефрит, широко раскрыл глаза. Он сразу узнал, что это вещь из Ханьского дворца, и не понимал, как она сюда попала. В центре подвески был вырезан узор, напоминающий дракона. Шаньюй не интересовался нефритом, ему было важно, чтобы его Яньчжи был счастлив. И он действительно дрожал от волнения, разглядывая подвеску, даже поднеся её к губам и носу, как будто чувствуя слабый аромат амбры. Шаньюй, недовольный, толкнул его на кровать, приподнял юбку и начал ласкать его задницу.

Красавец быстро размяк, встал на колени и поднял задницу к шаньюю. Они не занимались этим две недели, и красавец не хотел первым идти на примирение, а шаньюй намеренно испытывал его терпение. Ночи без объятий шаньюя были для него мучительными, и, пока за окном шёл снег, он занимался самоудовлетворением.

Он скучал по брату, по его нефритовому дилдо, и немного по шаньюю.

Шаньюй, раздевшись, вошёл в него, а красавец, стоня и извиваясь, наслаждался каждым движением. Шаньюй, двигаясь сзади, слушал его стоны, возбуждаясь всё больше. Они не занимались этим две недели, и их страсть была особенно сильной. Красавец, закинув ногу на плечо шаньюя, смущённо смотрел на то, как они соединяются. Они занимались этим всё чаще, даже больше, чем с братом, и за год, прошедший с его приезда, он стал настоящим «демоническим наложником» в глазах других жён шаньюя.

Шаньюй всё ещё любил его, и его любовь только усиливалась. Слушая звуки их соития, он тяжело дышал:

— Почему ты всё ещё не забеременел?

Красавец вспомнил, что утром только что использовал ароматическую пилюлю, и, услышав такие слова, снова расстроился. Шаньюй снял с него верхнюю одежду, обнажив грудь, и, глядя на его белые бёдра, продолжал двигаться, угрожая:

— Если ты не родишь ребёнка, я тебя выгоню.

Красавец, испугавшись, с ненавистью посмотрел на шаньюя, но тот, обнимая его за колени, не мог и подумать о том, чтобы его бросить, и продолжал угрожать:

— Если ты не забеременеешь, я отправлю тебя обратно.

Красавец, рыдая, схватил его за бороду и, не сдерживаясь, закричал:

— Отправь меня обратно, у-у-у... Я не хочу быть твоим Яньчжи, я не хочу рожать тебе детей, у-у-у...

Шаньюй, разозлившись, ударил его по лицу. Красавец, рыдая, лежал в его объятиях, а мужчина, лаская его лицо, пожалел о своей жестокости. Он ударил слишком сильно, и лицо Яньчжи распухло.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16253/1461961>